

Иван МИГАЛКИН, народный поэт Якутии

Давайте вспомним воинов

Из старинного рода Мигалкиных с войны не вернулось 29 мужчин. Им посвятил свою книгу стихов якутский поэт

* * *

Когда на лицах бледных, словно мел,
солдат погибших высохли слёзы,
то плакали тогда одни берёзы,
стоящие средь мёртвых этих тел,
и ветер в них листвою шелестел.

И ныло сердце матери в тоске
того бойца, что в этом вот леске
лежал убитый, и уже всё знало...
С тех пор, пусть лет прошло уже немало,
но кто сказал, что стало меньше слёз?!

Читатель, вот что надобно понять:
по сыну будет вечно плакать мать.
Среди берёз остались те солдаты...
И нам, собравшись в памятные даты,
осталось тех убитых вспоминать.

Моё поколение

Только очень прошу — не вините моё поколение
в том, что делу большому себя отдаёт лишь на треть,
и что все как один в нём едва ль подчинятся велению
встать безропотно в строй и за землю свою умереть.

Что такое есть хлеб трудовой понимая едва ли,
так оно и живёт, словно времени порвана нить...
Но за то, что в минувшей войне они не умирали,
как отцы их и деды, их тоже не надо винить.

Не вините за то их, что вечно одеты по моде,
что спешат на концерты артистов заморских притом,
и не слышат давно, что о них говорится в народе,
и, как вольные птицы, готовы покинуть свой дом.

Моему поколению война — только страшное слово...
Что ему кровь и смерть, неподъёмная тяжесть оков?!
Но оно лишь покроет цветущею зеленью снова
эту землю, чтоб жизнь не кончалась во веки веков.

Солдаты фотографируются

Там, где перед казармой встали в ряд
большие ели, до бровей мохнаты,
восемнадцатилетние стоят
совсем ещё безусые солдаты.

Те, для которых жизнь пока что — мёд,
которым в жизни радости охота,
и счастье, что на лицах их живёт,
желает отпечататься на фото.

А предо мной вид рощи золотой
Мною родного вспыхнул на мгновенье,
Что видела Ойунского, и той,
что слышала его благословение...

А следом — пионерские костры,
что каждую весну там в честь поэта
горели, и улыбки детворы,
которыми была весна согрета...

Солдаты отложили аппарат —
теперь им будет всем по фотоснимку,
где все они стоят, как с братом брат
на фоне елей замерших, в обнимку.

Вновь предо мной — казарма. Из земли
встающие, как в строй солдатский, ели
и серые солдатские шинели
тех, что отчизну защитить пришли.

* * *

И хоть ношу шинель простую тут,
и хоть живу простой судьбой солдата,
стихи про быт армейский — не идут,
всё стороной обходят виновато...
Я по тревоге вскакиваю вмиг,
на тьму ночную навожу прожектор,
благословив ревуший штурмовик,
задав его разгону нужный вектор...

И всё же авиация в мой мир
вошла стихами, где у слов есть сила,
где небо мне открыло свой клавиш
и краски разноцветные разлило.

Пространство раздвигалось предо мной,
ведь я не мог читать без интереса
«Аэроплан», написанный одной
влюблённой в это небо поэтессой.

Не удивляйся, маменька

Не удивляйся маменька, когда
из дому на работу выйдешь рано,
небесной тишине и что звезда
тебе улыбку дарит, как ни странно.

Ведь в это время, мама,
твой сынок,
на звёзды заглядевшийся невольно,
исполнить должен свой священный долг,
встав на посту вблизи Первопрестольной.

Я родине поклялся в том, что впредь
её будить тут будет утром каждым
лишь солнце, чтоб поля её согреть,
лишь пенье птиц,
в котором жизни жажда.

Чтоб утро начиналось не спеша
с того, что кто-то понял:

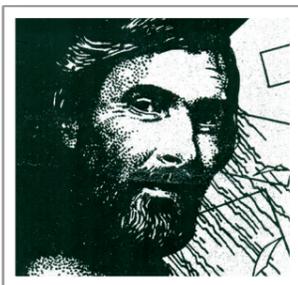
«Жизнь прекрасна!».

И чтобы мать будила малыша,
погладив по щеке его атласной.

Я на посту. Поэтому, когда
идёшь ты на работу утром рано,
так тихо в небесах,
и вновь звезда
тебе улыбку дарит, как ни странно...

Ему в августе исполнилось бы 65 лет, но он покинул этот мир в 38. Единственным наследством Валерия Конькова оказались несколько папок и общих тетрадок со стихами. С теми стихами, которые он писал в последние два десятилетия своей недолгой жизни, но которые, в большинстве своём, так и остались известными лишь его близким. Ему хотелось видеть их напечатанными, но солидные газеты и журналы не брали: маловато было в них «оптимизма, партийности и веры в светлое будущее», так желанных тогда во всех печатных органах...

За подчёркнутым неприятием вздохов, ахов и прочих сантиментов, иногда напускной грубоватостью таилось нежное и незащищённое сердце, вбивавшее в себя, как губка, все боли и обиды. Очень часто незаслуженные. Это сердце и не выдержало. Он умер в тот самый день, когда у него в доме, наконец, появилась собственная комната и письменный стол. Две книги очерков «Двадцать пятый час» и «Между прошлым и будущим», как и большинство газетных материалов, были написаны на крошечной кухне, ночью, когда все остальные обитатели дома уже спали. За эти книги ему было присуждено звание лауреата республиканской премии по публицистике — посмертно. Посмертно вышел и сборник стихов «Вираз» с теми стихами, которые вы прочтете ниже.

Валерий КОНЬКОВ

«У меня сегодня день рожденья...»

* * *

Пью весну. Какое наслажденье!
Тело стало лёгким, словно тень.
У меня сегодня день рожденья.
И вчера.
И завтра.
Каждый день!
Потому, что солнце с самой рани,
Потому, что царствует апрель
И в лучах отгачивает грани
В полдень сумасшедшая капель,
Потому, что реки повзбесились —
Потому рождаюсь каждый день,
Чтобы на большой земле — России
Жить среди людей. И для людей.

Размышление на обочине

Стоит машина у дороги.
Машину не за что винить:
Её резиновые ноги
Устали твердь ухабов бить.

Здесь ни ремонтом не поможешь,
Ни гибким русским языком...

Стара машина...
Я ведь тоже
Когда-то стану стариком.

Ни слёз моих, ни рекламаций
Не примет жизнь,
когда в пути
Придётся всё-таки сломаться
И на обочину сойти...

* * *

Весной рождаются надежды.
Но как в душе расплавить снег?
Вот я один сейчас,
а прежде
Смеялся рядом человек.

Дышал, шутил, грустил немного,
И мне дорожке жизни был,
Но увела меня дорога —
Ведь и дорогу я любил.

Я исхожу тайгу и степи:
Жизнь — нескончаемый ликбез.
А память женский образ лепит
Из солнца, ветра и небес...

* * *

Мне бы память иную,
Чтоб была холоднее и проще:
Констатация фактов,
Событий, поступков и чувств.
Вот опять мы с тобою
Идём этой маленькой рощей,
Молча тянем друг к другу
Тепло запелованных уст.
Я целую тебя,
Только память мне всё же мешает
Где-то крепче обнять,
Где-то искренним быть до конца,
Чей-то образ забытый
Она предо мной воскрешает,
Позабытые губы
В забытом овале лица.
Не ревнуй к пустоте:
К прежним грёзам

дорог не отыщешь.
Постарайся простить,
Коль заметишь в глазах моих боль.
Просто вспомнилось вдруг
Моей первой любви пепелище
В этой старенькой рощице
Вечером. Рядом с тобой.

Я сегодня в суете земной.
Где я был?
А где я только не был...
Вот опять склонилась надо мной
Женщина, закрыв собой полнеба.

Тех, что уходили поутру
Скорой и неровною походкой.
В памяти усталой не сотру,
Не залью российской хлебной водкой.

Мне они лечили гнев и боль,
Грусть-тоску болотную гнилу.
Я у самой страшненькой, любой,
С чистым сердцем руки поцелую.

Будут годы слушать тишину,
Станет бьюлю нынешняя небьюль.
Буду я у женщины в плену,
Только пусть затмит собою небо.